

УДК 327.5(479.22)
ББК 66.4(5Гру)64

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУЗИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ РОССИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

М.А. Платонова

Рассматривается ситуация на Южном Кавказе, сложившаяся в результате российско-грузинского конфликта 2008 года. В статье доказывается потребность и возможность использования нелинейной теории при анализе процессов демократического транзита на постсоветском пространстве на примере Грузии. Автор сравнивает процессы преобразований в странах Центральной и Восточной Европы с другими странами, где прошли «цветные революции». Особенностью подхода автора является применение синергетической методологии при анализе трансформации национальных интересов Грузии.

Ключевые слова: национальный интерес, демократический транзит, политическая система, интеграция, дезинтеграция.

События августа 2008-го коренным образом изменили ситуацию на Кавказе и вокруг него. После российско-грузинской войны как российские, так и зарубежные исследователи в один голос заявили: на Кавказе началась новая эпоха [6]. Перед учеными, исследователями, экспертами, политиками встал ряд вопросов: каковы сущностные черты этих изменений? каковы глубинные причины случившегося? насколько реально в новых условиях возвращение Грузией утерянных территорий? каковы перспективы существования Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств? В настоящей статье предлагаются некоторые теоретические подходы к поиску ответов на эти и другие релевантные вопросы.

Линейная теория и нелинейная реальность

Конец XX в. принято называть эпохой глобальной демократизации. Согласно господствовавшей в теории демократического транзита точке зрения, «третья волна» демокра-

тизации началась в середине 1970-х гг. в Южной Европе (падение диктатур в Португалии, Испании и Греции). Прокатившись по странам Латинской Америки, некоторым странам Юго-Восточной Азии, она захватила страны Центральной и Восточной Европы и, наконец, распространилась на все постсоветское пространство после падения СССР. Линейное понимание политических трансформаций сводилось к тезису, что все страны так или иначе должны прийти к либеральной демократии [14]. Разница только в том, что одни это сделают раньше, а другие – позже. В результате такого понимания были выделены лидеры (страны, в которых демократия утвердилась) и отстающие (те, которые только делают первые шаги по пути демократизации). В рамках линейного мышления мейнстримом как зарубежной, так и российской политологии были исследования стадий демократизации, ее условий, необходимых факторов и т. д. По мнению Р. Саквы (R. Sakwa), демократический транзит трактовался как логическая фаза в развитии общества от известного исходного пункта к столь же известному конечному результату. Такое представление коренится в фундаментальных метанарративах со-

временности, представлениях о линейных и универсальных паттернах развития, которым подвержены все общества [17]. Вопрос же о том, действительно ли все страны двигаются в одном, «демократическом», направлении, либо не ставился вообще, либо голоса исследователей, считавших, что процесс современного политического развития может идти по множеству разнонаправленных траекторий, не были услышаны.

Сегодня становится все более очевидным, что понимание современных политических трансформаций как единого линейного вектора не в состоянии объяснить, почему в одних странах демократические перемены приняли необратимый характер, а в других – создание демократических институтов не повлекло за собой устойчивого функционирования демократических социально-политических практик. Вместе с тем, как пишет А. Мельвил, «конец парадигмы транзита» не тождественен «концу транзитологии», а центральное для этой субдисциплины понятие транзита теперь должно объединять любые по форме и содержанию процессы перехода от прежнего, недемократического, состояния к иному [8, с. 318], не обязательно демократическому.

Нелинейность трансформации политических систем наиболее ярко проявилась на постсоветском пространстве. Так называемые «цветные революции», идентифицируемые в рамках транзитологического мейнстрима как вступление на прямую траекторию демократизации, не только не оправдали возлагавшихся на них надежд, но и обернулись трагическими событиями, запустившими процессы административно-территориального распада и межкультурной конфликтности. Реалии трансформационных сдвигов в Украине, Киргизии и Грузии в результате «цветных революций» актуализировали старый вопрос о роли внешних факторов в обеспечении необратимости демократических реформ, а также поставили в актуальную повестку дня проблему технологий и тактики демократизации, способных сохранить целостность трансформирующегося субъекта.

Открытие кавказской системы

На протяжении XIX–XX вв. страны Южного Кавказа (Азербайджан, Армения,

Грузия) находились в составе Российской империи, а затем – Советского Союза, которые являлись внешней средой для этого региона-системы, исторически склонного к закрытости перед лицом многочисленных внешних нашествий. Система открывалась в мир, взаимодействовала с ним преимущественно через свои империи. Привыкшая к своей относительно постоянной среде обитания система, несмотря на свою конфессиональную гетерогенность, выживала и сохраняла целостность даже при таких внутрисистемных конфликтах, как конфликты в Нагорном Карабахе, череда грузино-осетинских раздоров, война в Абхазии 1992–1993 гг. и т. п. Заинтересованные в сохранении своего геополитического влияния в регионе имперские элиты стремились гасить эти конфликты, а также не допускали излишней и неконтролируемой степени открытости региона-системы в глобальное социально-политическое пространство. Выполняя функцию естественного «моста» между Европой и Азией, Кавказ все больше становился и объектом геополитических интересов великих держав. Сегодня стратегический контроль над Кавказом обеспечивает оперативный выход в регионы Центральной Азии, что, в свою очередь, является важным элементом сдерживания возрастающей геополитической и экономической мощи Китая и, в перспективе, России [7]. Одновременно контроль над Кавказом позволяет самым непосредственным образом влиять на распределение и направления потоков углеводородных ресурсов Каспийского региона, а также осуществлять надзор за иными транспортно-торговыми, социокультурными коммуникациями, направленными как с севера на юг, так и с запада на восток.

Большой Кавказ не зря зачастую называют «мягким подбрюшьем» (the soft underbelly) России [5] – все происходящее там весьма для нее чувствительно. В частности, и потому, что ситуация на Южном Кавказе непосредственным образом влияет на Северный Кавказ.

С развалом СССР произошло резкое открытие Кавказского региона непосредственно в глобальное пространство. Через открывшиеся каналы в систему хлынули мощные потоки информации, товаров, капиталов, политичес-

кого и идеологического влияния. Это принудило все элементы социальной системы к трансформации – адаптации к новой среде их существования. Начался процесс их тестирования на прочность, на жизнеспособность. Первым последствием ворвавшегося в систему «штора перемен» стала трещина в армяно-азербайджанских отношениях – конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который не удается урегулировать и по настоящее время.

Грузинские разломы

Инерция дезинтеграции (хаотизации) проникла и на подсистемный уровень. В Грузии это проявилось в обострении отношений центра с периферией – Абхазией и Южной Осетией.

Согласно существовавшему в СССР пониманию национальных проблем, национальная принадлежность была жестко увязана с проживанием на конкретной территории. Соответственно считалось, что у каждой территории есть своя «коренная», или «титульная» нация (понимаемая как этнос), для которой эта территория служит «национальным домом». Институциональным воплощением такого представления о решении национального вопроса и стала уникальная модель «национально-территориальной» федерации [11]. С одной стороны, это повышало статус нерусских титульных этносов в их союзных республиках, но с другой – снижало статус нетитульных этносов. То есть асимметрия социальных статусов, влекущая привилегии для титульных этносов, мультиплицировалась повсеместно. Советский Союз, как известно, имел устройство фрактала, то есть его части на меньшем масштабе повторяли устройство самой фигуры. Каждая союзная республика, кроме национального ядра, имела набор автономных республик, областей и округов, но все это на этнической основе. Соответственно, когда Союз стал распадаться, этот процесс не остановился на масштабе союзных республик, почти у каждой из них в той или иной степени появились проблемы по стандартному шаблону межэтнической вражды: национализм титульной группы – сепаратизм автономных [9].

По признанию исследователей, в том числе и грузинских, «единство Советской Грузии было призрачным не только для абхазов,

осетин, армян, азербайджанцев, которые не осмысливали для себя опоры в грузинской республике, но и для этнических грузин» [1, с. 215]. Как пишет И.Б. Санакоев, «советская модель отношений закладывала основы для будущих конфликтов» [10]. Конфликт между Грузией и Осетией 1989–1990 гг. и война в Абхазии 1992–1993 гг. также не смогли легитимировать отношения Грузии с ее бывшими автономиями и оказались замороженными до лета 2008 года.

Таким образом, уже в начале демократического транзита Грузия (как и другие республики бывшего СССР) оказалась перед угрозой распада.

Национальные интересы

После конфликтов конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Абхазии и Южной Осетии эти территории стали де-факто независимыми от Грузии. В период с 1993 г. по 2008 г. проходили грузино-абхазские переговоры под эгидой ООН по урегулированию конфликтов, которые, однако, ни к чему не приводили. Но, несмотря на это, обеспечение территориальной целостности провозглашалось главным национальным интересом страны [4].

Но было и другое понимание национальных интересов: укрепление связей с Западом посредством вступления в НАТО и евроинтеграции. Вопрос о том, насколько решение этой задачи возможно без решения первой, не был поставлен на публичное обсуждение. Сам НАТО в качестве одного из условий приема в альянс новых членов выдвигает требование решения всех международных, этнических и территориальных споров. Отсюда следует: или Запад плохо понимал обстановку с территориальной целостностью в Грузии, или ставил иные задачи: прием Грузии в НАТО лишь в собственных геополитических интересах закрепления присутствия на Кавказе. В самой Грузии победила точка зрения, что Запад, оказав поддержку «революции роз», будет и в дальнейшем действовать в рамках национальных интересов Грузии. На деле же «каждая страна, будь то Россия, Турция или США, всегда будет действовать в своих интересах, а не в интересах Грузии, Армении или Азербайджана. Опыт государств, прошедших аналогичный период развития, показывает, что

большая часть конфликтов может быть решена только за счет внутренних усилий, при главенстве законов, а не с помощью других стран» [7]. На смену первоначальному стремлению президента Грузии Михаила Саакашвили войти в историю с имиджем объединителя пришло желание поучаствовать в геополитической стратегии США того времени в надежде таким образом обеспечить собственную политическую легитимацию и привлечь западные ресурсы к модернизации своей страны.

Когда Россия поставила США перед необходимостью выбора между отказом от членства Грузии в НАТО и возвратом к «холодной войне» в российско-западных отношениях, ставка Грузией была сделана опять-таки на решении проблемы территориальной целостности.

Если до августовских событий 2008 г. основными национальными интересами Грузии провозглашалось восстановление территориальной целостности и, в перспективе, евроинтеграция и вступление в НАТО, то после войны стало очевидно, что в реальности реализация этих интересов откладывается на неопределенный срок. Более того, учитывая новую политическую ситуацию на Южном Кавказе, можно утверждать, что грузинские национальные интересы, по сути, стали противоречить друг другу. Перспектива вступления в НАТО и ЕС и, как следствие, поддержка Запада были возможны лишь в том случае, если Грузия сможет решить внутренние проблемы – в первую очередь территориальной целостности. По сути, Грузия, последовательно выстраивая антироссийскую политику, оказалась в крайне неопределенном и неоднозначном положении. После распада Советского Союза Тбилиси занял четкую и однозначную позицию – уйти из-под влияния России и стать ближе к Западу. И если первое ему действительно удалось, то со вторым возникли существенные проблемы. Дело в том, что августовские события со всей очевидностью показали, что Запад не готов принять Грузию, сделать ее своей частью, нести за нее полную ответственность. В результате Грузия оказалась в крайне шатком положении – она уже не с Россией и еще не с Западом. Ясно одно: в кратко- и среднесрочной перспективе ситуация вряд ли из-

менится хотя бы по двум причинам. Во-первых, диалог России и Грузии при нынешней как грузинской, так и российской власти невозможен, а во-вторых, вряд ли действующая российская власть откажется от признания Абхазии и Осетии. Здесь нужно учитывать и тот факт, что если по поводу обоснованности действий Грузии в отношении Южной Осетии в августе 2008 г. мнения официального Тбилиси и грузинской оппозиции расходились, то в необходимости возврата абхазских и югоосетинских территорий стороны были единодушны. В таких условиях оптимальным решением для Грузии будет сформулировать свои национальные интересы таким образом, чтобы их последовательная реализация не привела к окончательному развалу страны.

Конфликт между Россией и Грузией вызвал ряд новых проблем и радикально изменил ситуацию на Южном Кавказе по сравнению с политической ситуацией, существовавшей после распада Советского Союза. До августа 2008-го одним из основных национальных интересов Грузии, наряду со вступлением в НАТО и Евросоюз, провозглашался возврат утраченных территорий, и это было (или представлялось) возможным. Здесь важно отметить, что де-факто и Абхазия, и Южная Осетия не контролировались Грузией с начала 1990-х годов. Однако самостоятельность Южной Осетии и Абхазии не вызвала широкого международного резонанса или поддержки. В 1999 г., накануне второй чеченской войны, ответной реакцией на обострение российско-грузинских отношений стало решение России об отмене блокады Абхазии, но оно не изменило ситуацию радикально. Москва по-прежнему придерживалась позиции сохранения территориальной целостности Грузии. Ситуация стабильной нестабильности на территориях, тогда еще являвшихся частями Грузии, сохранялась до 2008 года.

Из локального – в глобальное

После российско-грузинской войны и последующего признания Россией Абхазии и Южной Осетии ситуация изменилась радикально.

Во-первых, одна из ведущих мировых держав – Россия – признала независимость двух бывших грузинских автономий.

Во-вторых, стало очевидным, что ни США, ни Запад не готовы к открытой конфронтации с Россией.

В-третьих, невозможность использования военной силы сделала в кратко- и среднесрочной перспективе нереальным возврат утраченных территорий.

Остановимся подробнее на каждом из вышеперечисленных пунктов.

1. Период с окончания августовской войны до 26 августа 2008 г. можно охарактеризовать как время напряженного ожидания. Динамичное развитие ситуации сопровождалось дипломатическими переговорами и выработкой принципиальных политических решений, адекватных новым реалиям. Параллельно с этим разворачивалась «информационная война», в результате которой имидж России, позиционируемой в западных СМИ в качестве «грубой силы», «проснувшегося медведя» и «неоимпериалистической державы», неуклонно ухудшался [16; 18]. В условиях, когда Россия фактически оказалась одной из сторон конфликта, вопрос о признании бывших грузинских автономий, еще недавно довольно спорный и отложенный на неопределенную перспективу, стал единственно возможным решением для нее.

2. Вопрос о том, была ли война спланирована заранее, мы оставим за скобками, однако тот факт, что она была вполне прогнозируема (по мнению некоторых экспертов – вплоть до сроков), не вызывает сомнения. Очевидно, что Грузия, решившись на такой отчаянный шаг, всецело рассчитывала на поддержку США. Грузинское руководство рассматривало свои действия с точки зрения существования противостояния России и США, однако результаты показали, что на самом деле его не существует или же масштабы его сильно преувеличены. И если вмешательство России в военный конфликт и не было большой неожиданностью, то скорость принятия решения о признании не могла не удивить. В период после окончания войны до признания у Грузии теоретически существовал ничтожный шанс на поддержку со стороны НАТО, но после 26 августа стало очевидным, что и США, и страны Запада будут занимать пассивную позицию «дипломатического несогласия».

3. В таких условиях у Грузии не оставалось шансов на решение вопроса с помощью военной силы (которой у нее в сравнении с РФ без поддержки Запада практически нет). Ни Абхазия, ни тем более Южная Осетия не пойдут на сближение с Тбилиси (не говоря уже о возвращении в состав Грузии), пока у власти в Грузии будет оставаться ныне действующий президент. В итоге для Грузии вопрос об урегулировании статуса утраченных территорий оказался отложенным на неопределенное время.

Таким образом, в результате военного столкновения августа 2008-го геополитический регион Кавказа превратился в точку пересечения интересов внерегиональных акторов. В таких условиях для Грузии становится крайне трудно (если не нереально) самостоятельно формулировать собственные национальные интересы.

«Вовлечение путем сотрудничества»

На сегодняшний день стало очевидным, что повторения событий августа 2008 г. ждать не приходится, так как Запад готов поддерживать Грузию, но не военной силой. Задуманный в августе 2008 г. блицкриг, имевший целью «убить двух зайцев» – решить проблему территориальной целостности и сблизиться с Западом – провалился. В таких условиях наиболее вероятной является попытка мягкого, постепенного возврата территорий посредством налаживания информационных, торговых и иных связей. Первые шаги в этом направлении Грузией были предприняты в конце января 2010 г. – в Министерстве реинтеграции Грузии была разработана «Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий: вовлечение путем сотрудничества» [12].

Данный документ отличает нейтральный тон и отсутствие «острых углов». Особое внимание в «Стратегии» уделяется осуществлению различных социальных программ, мерам по развитию абхазского языка и укреплению контактов между людьми, развитию системы здравоохранения для населения территорий Абхазии и Южной Осетии. Он содержит также проекты восстановления дорог и функционирования автобусных маршрутов.

Наряду с вопросами сотрудничества в нем предусмотрен целый ряд изменений в за-

конодательстве Грузии. Его положительная сторона заключается в отражении приверженности к мирному урегулированию конфликта, отрицательная – в утопичности, так как абхазские политические деятели отвергают возможность всякого сотрудничества [3].

После того как план был сформулирован, перед правительством Грузии встали вопросы о его реализации, а также о том, кто будет спонсором. Первыми, кто согласился помочь Грузии в реализации намеченных целей, оказались США. Но пока никаких конкретных шагов или действий в рамках данной «Стратегии» предпринято не было.

Дело в том, что реализация «Стратегии» предполагает непосредственные контакты с властными структурами Абхазии и Осетии, что представляется на сегодняшний день невозможным. Ясно, что Грузия потеряла Абхазию и Осетию (по крайней мере, на неопределенный срок), которые де-факто перешли под военный контроль России. Без разрешения проблемы территориальной целостности под сомнением остается вопрос национально-государственного строительства Грузии.

Попытки реализации данной «Стратегии» свидетельствуют о стремлении Грузии действовать старыми методами в новой ситуации. По сути, то же самое происходит и с формулированием национальных интересов. Новая реальность, возникшая после войны 08.08.08, оказалась противоречащей национальным интересам Грузии. Чтобы выйти из этого замкнутого круга, необходимо сформулировать новый национальный интерес, способный мобилизовать общество на реформирование социальной реальности.

Абхазия и Южная Осетия: перспективы независимости

Роналд Асмус назвал события августа 2008-го «маленькой войной, которая потрясла мир» [15]. Однако с такой позицией можно согласиться лишь отчасти. Августовские события, безусловно, потрясли мир, но вряд ли его радикально изменили. После боевых действий между Россией и Грузией новая «холодная война» не наступила. Как пишет Дмитрий Тренин, «пятидневная война показала, насколько хрупка безопасность в Европе спустя почти

два десятилетия после окончания настоящей “холодной войны”» [13].

Такое устрашающее ощущение незащищенности заставило обе стороны внести изменения в свою внешнюю политику. Американский президент Барак Обама нажал на кнопку «перезагрузки», а Москва изобрела понятие «модернизационный альянс с Соединенными Штатами и Европой» [там же]. То есть политика Белого дома и Кремля по отношению друг к другу стала более уравновешенной, а вопрос об урегулировании статуса бывших грузинских автономий остался «за скобками». И не в последнюю очередь потому, что стало очевидным, что США не потерпят новых попыток воссоединения Грузии при помощи военной силы.

Вопрос о возвращении Южной Осетии и Абхазии в состав Грузии оказался отложенным на неопределенную перспективу, и на первый план выдвинулся другой, не менее важный, вопрос: каковы перспективы существования Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств?

В оценке перспектив независимости Абхазии и Южной Осетии многие исследователи часто сталкиваются с тем, что Томас де Ваал называет «миражами», то есть ошибочными подходами к ситуации в регионе [2].

Первый из этих «миражей» появился уже давно: Кавказ рассматривается как огромная «шахматная доска», на которой великие державы передвигают местные «фигуры», словно пешки, в собственных интересах и по своему усмотрению. На самом деле это не так. Напротив, как бы ни менялась геополитическая «погода», местные силы манипулируют великими державами как минимум не меньше, чем сами подвергаются манипуляциям [там же].

Вторым «миражом» следует считать тезис о том, что над регионом и сегодня «нависает» «русский медведь», готовый в любой момент обрушиться на беззащитные кавказские народы. Россия остается самым влиятельным внешним игроком в регионе. Однако способность Москвы контролировать развитие событий куда меньше, чем кажется большинству наблюдателей [там же].

Признав независимость Абхазии и Осетии, Россия, с одной стороны, обеспечила свое военное присутствие на территориях двух рес-

публик, но, с другой, признала право на их суверенитет, а значит, невмешательство во внутреннюю политику. Как пишет Томас де Ваал, «многие западные аналитики сочли Пятидневную войну 2008 года свидетельством наличия у Москвы неоимперских планов по установлению гегемонии на Южном Кавказе и в “ближнем зарубежье” в целом... Сегодня на Кавказе Россия – лишь один из нескольких внешних акторов, а экономические инструменты имеют в регионе больший вес, чем военные».

Третий «мираж» – иллюзия, будто Южный Кавказ представляет для Запада большой стратегический интерес: на практике данный подход, как это ни парадоксально, приносит больше вреда, чем пользы. В основе тезиса о том, что регион имеет глобальное значение, лежит стремление Запада превратить его в новый важный энергетический коридор и еще одну зону расширения НАТО [2].

События августа 2008 г. показали, что грузинское руководство рассматривало свои действия с точки зрения существования глобальной заинтересованности Запада в регионе Южного Кавказа, однако результаты продемонстрировали, что на самом деле этого не существует или же масштабы сильно преувеличены.

Таким образом, говоря о перспективах существования Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств, необходимо учитывать, что если в августе 2008 г. Грузия переоценила масштабы противостояния России и США, решившись на открытую агрессию, то и теперь важно объективно оценить, насколько серьезно настроены США и Запад в плане поддержки принципа территориальной целостности Грузии.

Заключение

После распада Советского Союза и конфликтов конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Абхазии и Южной Осетии эти территории стали де-факто независимыми от Грузии. Но, несмотря на это, обеспечение территориальной целостности провозглашалось главным национальным интересом страны [4]. Но было и другое понимание национальных интересов: укрепление связей с Западом посредством вступления в НАТО и евроинтеграции. Вопрос о том, насколько решение этой задачи воз-

можно без решения первой, не был поставлен на публичное обсуждение. И если до августовских событий основными национальными интересами Грузии объявлялись восстановление территориальной целостности и, в перспективе, евроинтеграция и вступление в НАТО, то после войны стало очевидно, что в реальности реализация этих интересов откладывается на неопределенный срок. Более того, учитывая новую политическую ситуацию на Южном Кавказе, можно утверждать, что грузинские национальные интересы, по сути, стали противоречить друг другу. Перспектива вступления в НАТО и ЕС и, как следствие, поддержка Запада были возможны лишь в том случае, если Грузия сможет решить внутренние проблемы, – в первую очередь территориальной целостности. По сути, Грузия, последовательно выстраивая антироссийскую политику, оказалась в крайне неопределенном и неоднозначном положении.

Таким образом, в результате военного столкновения августа 2008 г. геополитический регион Кавказа превратился в точку пересечения интересов внерегиональных акторов. В таких условиях для Грузии становится крайне трудно (если не нереально) самостоятельно формулировать собственные национальные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердзенишвили, Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или О проблеме собранности нации и политике государства [Текст] / Д. Бердзенишвили, О. Зоидзе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2. – С. 214–217.
2. Ваал, Т. де. Пора заканчивать «большую игру» / Т. де Ваал // Кавказский узел. – 2010. – 20 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/174460/>.
3. Вольский, Г. Передел сложившихся реалий всегда чреват напряжением / Г. Вольский // Вестник Кавказа. – 2010. – 20 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/interview/politika/22809.html>.
4. Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г.) : полный текст // Новости-Грузия. – 2010. – 9 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.newsgeorgia.ru/spravki/20100509/213153512.html>.

5. Максименко, В. Центральная Азия и Кавказ: основание геополитического единства / В. Максименко // Аналитический центр Разумные решения : [сайт]. – 2006. – 30 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060330061814914>.
6. Маркедонов, С. Безопасность России на Северном Кавказе после признания Абхазии и Южной Осетии / С. Маркедонов // Агентство политических новостей. – 2008. – 24 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20722.html>.
7. Панин, В. Н. Современное состояние геополитического процесса на Кавказе / В. Н. Панин // Мировая политика: взгляд из будущего : материалы V Конвента РАМИ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://risa.ru/images/stories!_Tom_20.pdf.
8. Политология : Лексикон [Текст] / под ред. А. И. Соловьева. – М. : Рос. полит. энцикл., 2007. – 800 с.
9. Родионов, С. Новая война с Грузией начнется в 2014 году / С. Родионов // Агентство политических новостей. – 2009. – 21 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article7658.htm>.
10. Санакоев, И. Б. К истории грузино-осетинского конфликта / И. Б. Санакоев // Мировая политика: взгляд из будущего : материалы V Конвента РАМИ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://risa.ru/images/stories!_Tom_20.pdf.
11. Стенограмма «круглого стола» «Этнополитические проблемы в современной России». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://politex.info/mambo/content/view/106/40/>.
12. Стратегия «Вовлечение путем сотрудничества» : полный текст // Новости-Грузия. – 2010. – 9 мая. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.newsgeorgia.ru/spravki/20100509/213153532.html>.
13. Тренин, Д. Как помириться с Грузией / Д. Тренин // ИноСМИ. – 2010. – 10 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/caucasus/20100810/161981787.html>.
14. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2010. – 558 с.
15. Asmus, R. A Little War That Shook the World. Georgia, Russia and the Future of the West / R. Asmus. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2010. – 254 p.
16. O'Brien, K. The bear is awake and hungry / K. O'Brien // The Plain Dealer. – 2008. – 13 Aug. – Electronic journal. – Mode of access: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling26/ling_6%2826%292008_posokhova.pdf.
17. Sakwa, R. Russian Politics and Society / R. Sakwa. – L. ; N. Y. : Routledge, 2002. – 318 p.
18. Witham, G. H. The Growling Bear / G. H. Witham // The American Spectator. – 2008. – 5 May. – Electronic text data. – Mode of access: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling26/ling_6%2826%292008_posokhova.pdf.

ON TRANSFORMATION OF GEORGIAN NATIONAL INTERESTS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S RECOGNITION OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA INDEPENDENCE

M.A. Platonova

This article considers the situation in the South Caucasus, which has developed as a result of the Russian-Georgian conflict of 2008. Using the example of Georgia, it is demonstrated that there is a possibility and necessity of using a non-linear theory when analyzing the processes of democratic transit in the post-soviet area. The author compares the transformation processes in some countries of central and Eastern Europe with other countries, where the «color revolutions» took place. The particularity of the author's approach is the application of synergetic methodology in the analysis of the transformation of Georgian national interests.

Key words: national interest, democratic transit, political system, integration, disintegration.